

Анализ внешней политики России: основные подходы

Галина Дробот

Внешняя политика – не самая успешная сфера в жизни современной России. Последние годы демонстрируют наличие здесь глубоких, серьезных проблем. По самым важным мирополитическим вопросам Россия часто оказывается в одиночестве, в лучшем случае вдвоем с одним из государств СНГ.

Так, кроме о-ва Науру и двух экзотических режимов в Латинской Америке никто в мире, включая наших ближайших союзников по ОДКБ, не поддержал российскую инициативу по признанию Южной Осетии и Абхазии.

Россия захотела напугать НАТО мораторием на ДОВСЕ, но НАТО не испугалась, а отодвинула этот вопрос в долгий ящик. На деле Россия заинтересована в ДОВСЕ гораздо больше НАТО ввиду военного превосходства последней и ее расширения на Восток. Ни одно государство, ратифицировавшее ДОВСЕ (а это – Россия, Казахстан, Украина и Белоруссия), не последовало российскому примеру.

Похожие казусы возникают и по другим вопросам в ОБСЕ, Совете Европы и других международных институтах.

Думается, что одной из глубинных причин того, что Россия делает свою внешнюю политику в одиночестве, является то, что мы по привычке пытаемся решать внешнеполитические вопросы с помощью создания неработающих бумажных документов и нагромождения организационных международных схем и конструкций, которые не функционируют. Пример тому – последняя Концепция внешней политики РФ 2008 г.

В Концепции содержится три ключевых тезиса:

– упор на всемерное укрепление международного права как основы межгосударственных отношений;

ДРОБОТ Галина Анатольевна – доктор политических наук (МГУ им. М.В.Ломоносова).
E-mail: gdrobot@mail.ru

Ключевые слова: внешняя политика, СНГ, евразийство, западничество, равноудаленность, кризис национальной идентичности.

- ставка на ООН и ее Совет Безопасности как безальтернативную международную организацию, наделенную уникальной легитимностью;
- снижение фактора силы в международных отношениях.

Конечно, все эти задачи благородны и пронизаны морально-нравственным пафосом, но следует констатировать, что они плохо реализуемы в современных условиях. И это убедительно показали события на Кавказе в августе 2008 г. СБ ООН, отказавшийся осудить агрессию, в который раз оказался беспомощным и малополезным органом. Военная сила вновь оказалась верховным арбитром мировой политики. Применив ее, Дмитрий Медведев в известной мере пересмотрел утвержденную им за три недели до начала конфликта новую Концепцию внешней политики РФ, которая не выдержала столкновения с реальностью.

В чем причина такой концептуальной слабости внешней политики России?

На наш взгляд, ответ заключается в том, что новая Россия все еще не сделала свой стратегический выбор, с кем она хочет быть и против кого дружить. Не определилась не только государственная власть. Палитра мнений в российском экспертном сообществе по поводу приоритетов внешней политики очень пестрая.

Ниже мы попытаемся классифицировать основные имеющиеся подходы.

Наша классификация будет основана на критерии приоритетных геополитических и геоэкономических векторов российской внешней политики. Исходя из данного критерия можно выделить следующие подходы.

Во-первых, предпочтительная ориентация на страны СНГ.

Сторонниками такой политики являются некоторые неправительственные организации (например, Совет по внешней и оборонной политике – СВОП), Институт стран СНГ.

Объективные предпосылки ориентации на страны СНГ связаны с тем, что Россия больше других субъектов бывшего СССР потеряла от распада страны. Это и глубина стратегического пространства, и морские порты на Черном, Балтийском и Каспийском морях, и разрыв технологических цепочек, завязанных на Россию, и 25 млн. чел. русскоязычного населения, оставшегося за пределами родины (к настоящему времени его численность уменьшилась из-за миграции в Россию и другие страны).

Поддерживаемые в настоящее время политические, экономические, гуманистические связи со странами СНГ по-

зволяют России, при условии продуманной политики с ее стороны, сохранять сферу своего влияния на значительной части постсоветского пространства как необходимое условие ее великодержавного статуса.

Вместе с тем межгосударственные отношения в СНГ имеют непростой характер и в этой связи вновь и вновь ставится вопрос о том, какой должна быть российская политика в отношении стран бывшего СССР. За время, минувшее с Беловежских соглашений о распуске СССР (1991 г.), российская политика на постсоветском пространстве прошла несколько этапов:

Сначала – полное забвение и игнорирование.

Затем последовал длинный период «бумажной интеграции». Руководство России выступало двигателем создания псевдоинтеграционного объединения – СНГ. Подписывались сотни договоров, не стоивших бумаги, на которой ставились подписи, проводились десятки – на 95% бессмысленных – встреч. На 5% они были полезны, но по большей части с точки зрения легитимизации лидеров новых государств.

Однако была и реальная польза. СССР удалось выйти из развала без масштабных войн с участием России (исключением явилась краткосрочная кавказская война августа 2008 г.), некоторыми, за редчайшими случаями, сопровождались распады имперских государств. Можно сказать, что СНГ – это в определенном смысле цивилизованная форма развода советских республик.

Следствием националистических настроений элит сопредельных государств, а также различий в моделях экономического и политического развития явилось их почти повсеместное сопротивление интеграции. Интеграционный процесс, понимаемый как взаимопроникновение, был обречен изначально.

В последние годы был упущен момент для интеграции с Белоруссией.

Механизм Союзного государства России – Беларусь служит прикрытием стремления белорусского руководства как можно жестче отгородиться от российского политического и медийного влияния.

Четырехсторонний проект Единого экономического пространства (ЕЭП) – Россия – Украина – Казахстан – Белоруссия – тоже оказался неэффективным.

К тому же попыткам интеграции достаточно эффективно препятствовали и продолжают препятствовать внешние силы, особенно на территории Украины и Грузии (которая в 2008 г. объявила о выходе из СНГ).

Проекты типа ГУАМ (объединение Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы), хоть и носят весьма искусственный характер, имеют выраженную антироссийскую направленность.

Сказанное не значит, что интеграционные проекты на территории бывшего СССР нежизнеспособны вообще. Весьма привлекательным и реалистичным – при целенаправленной политике с обеих сторон – выглядит российско-казахстанский проект. Государства

имеют серьезные взаимные интересы, не боятся быть «поглощенными» и главное – создают схожие растущие и достаточно эффективные экономические системы. Наконец, они близки по социально-экономическому уровню развития.

Но в целом российская политика в отношении сопредельных государств требует новой оценки, создания механизма ее проведения и координации на государственном уровне, адекватного аналитического обеспечения, в целом – большего внимания.

Во-вторых, предпочтительным вектором российской внешней политики объявляется азиатское направление (*евразийский подход*).

Одним из наиболее ярких представителей данного подхода является политический философ А.С.Панарин. Ссылаясь на российского мыслителя XIX века Н.Я.Данилевского, Панарин полагает, что сегодня Россия в своих отношениях с Западом переживает примерно ту же fazу развития, что и после Крымской войны середины XIX в., которая закончилась поражением нашей страны и ее фактической международной изоляцией.

Вслед за Данилевским Панарин утверждал, что Россию допускают к участию в европейских делах лишь на той стадии, когда Европа расколота и ей изнутри угрожают гегемонистские притязания (Карл V – император Священной Римской империи, Фридрих Великий, Наполеон, Гитлер).

Напротив, когда Европа чувствует себя объединенной и стабильной, наступает черед открытой антирусской политики.

Сегодня Европа в целом едина и поэтому как никогда, солидарна в своем цивилизационном неприятии России. «Евроцентризм, склонный отождествлять западную цивилизацию с общечеловеческой, а прогресс со всемирной вестернизацией, издавна видит в России главную преграду на пути прогресса», – пишет Панарин¹.

Альтернатива для России есть, считает ученый. Она связана с евразийской идеей. Россия должна ориентироваться на Восток, на привычную цивилизационную нишу. Речь идет об образовании цивилизационно-федеративных образований между славяно-православной, тюрко-мусульманской и буддийско-конфуцианской цивилизациями. Одним из условий этого единства является значительная активизация усилий по благоустройству российских регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Данная позиция небезупречна. Критические аргументы в ее адрес связаны как с историческим прошлым России, так и с ее современным политическим и экономическим положением.

1. Если отвлечься от идеологического противоборства периода холодной войны и обратиться к *объективным факторам*, именно разрыв с наиболее развитыми странами мира обрекли СССР на экономически ослабленное состояние и в конечном итоге привели к коллапсу советской экономики.

2. Вызывают сомнения призывы к особым партнерским отношениям с рядом стран Востока, прежде всего Китаем. Позиции этой страны в современной мировой политике определяются укреплением ее экономического и политического статуса и, как следствие, усилением амбиций и претензий на мировой арене. Есть основания полагать, что уже в среднесрочной перспективе (через 10–15 лет) КНР из стратегического партнера России превратится в ее стратегического соперника.

3. Россия дискредитирует себя, поддерживая отношения с так называемыми «изгоями» международных отношений – Ираном, Сирией, группировкой ХАМАС, пришедшей к власти на палестинских территориях Израиля. Впрочем, данный аргумент может быть и оспорен: хорошо, что в мире есть полити-

ческие силы (в лице России), способные обеспечивать мост между ведущими западными державами и оппозиционными им силами третьего мира.

4. Аргументом против евразийской ориентации России может служить обстоятельство экономического характера, на которое не часто обращают внимание. Дело в том, что в процессе ускоренной модернизации новые индустриальные страны Азии (Южная Корея, Тайвань и др.) не создали собственную систему НИОКР, которая соответствовала бы уровню их индустриализации, не говоря уж о возможности перехода к постиндустриальной стадии. Даже Сингапур, вплотную приблизившийся по основным экономическим показателям на душу населения к лидерам мировой экономики уже в середине 80-х годов, в 1987 г. тратил на НИОКР только 0,9% своего ВВП, хотя в развитых странах Запада на эти цели расходовалось 2,0–2,7%. «Тигры» же второго поколения, Малайзия и Таиланд, выделяют на НИОКР и того меньше².

Индустриальная модернизация этих стран осуществляется за счет заимствования инноваций в странах Запада, но они почти ничего не сделали для генерирования собственных научных результатов. В контексте этих обстоятельств для России, видимо, будет больше смысла выстраивать отношения прежде всего со странами мирового научно-технического авангарда, а не пользоваться технологиями со «вторичного рынка».

В-третьих, внешнеполитическим приоритетом провозглашается позиция *равноудаленности от центров мирового влияния, таких как США, Евросоюз, Китай*. Речь идет о своего рода нейтралитете в мировой политике.

Такая точка зрения просматривается в работах и выступлениях А.Уткина, А.Задохина, Я.Пляиса, С.Кортунова.

Свою позицию Уткин аргументирует ссылкой на известный тезис С.Хан-

тингтона о планетарной цивилизационной разобщенности, наступившей после окончания холодной войны.

Хантингтон выделяет несколько социокультурных образований в современном мире, среди которых – православная цивилизация, отождествляемая прежде всего с Россией.

По мнению ученого, современный мир характеризуется конфликтом цивилизаций и в этих условиях, считает Уткин, России во внешней политике правильнее всего было бы придерживаться так называемой «формулы Пальмерстона», названной по имени английского дипломата середины XIX в., оценивавшего внешнюю политику своей страны того времени. Суть концепции состояла в том, чтобы не строить долгосрочные стратегические отношения ни с кем в мире, а придерживаться позиции тактической гибкости³.

Напомним, что Англия середины XIX в. была сильнейшей державой мира.

Данная точка зрения вызывает определенные сомнения. Статус России в современном мире далеко не соответствует международному статусу Англии XIX в. У современной России множество нерешенных внутренних проблем и много недоброжелателей даже в ближнем зарубежье. Поэтому копирование поведения Великобритании XIX в. вряд ли оправданно.

Иная аргументация в пользу международной равнодаленности России присутствует у Задохина, Пляйса и Кортунова.

Эти ученые ссылаются именно на внутренние проблемы России, связанные прежде всего с ее экономическим положением (зависимость от экспорта энергоресурсов, низкая конкурентоспособность на мировом рынке в области промышленных товаров и продукции высоких технологий). В этих условиях России следует придерживаться между-

народной тактики, которую демонстрирует Китай, – концентрация на внутренних экономических проблемах и по возможности минимальное участие в международных спорах и конфликтах, отказ от слишком амбициозной политики и претензий на полюс силы в современном мире⁴.

Аргументы против позиции равноудаленности содержатся в подходе В.Кременюка к внешней политике России.

Прежде всего ученый утверждает, что в современном мире, имея только таких союзников, как Беларусь и Таджикистан, России не выжить. Этого недостаточно для выживания в жесткой конкурентной среде. Далее, вокруг Российской Федерации существуют три гигантские «воронки притяжения»: Запад, Китай и мусульманский мир.

Запад втягивает почти всю западную часть СНГ (включая Калининградскую область России), и не исключено, что со временем Украина, Грузия, Молдова, Азербайджан станут вслед за странами Прибалтики участниками западных структур безопасности и экономических систем.

Мусульманский мир не обладает аналогичной силой притяжения, но и он уже выделил для себя мусульманские регионы России (Северный Кавказ, Татарстан, Башкортостан) в качестве стратегических целей наряду со Средней Азией и Закавказьем.

Нужды модернизации «китайского миллиарда» требуют доступа к российским энергетическим и иным природным ресурсам теряющей свое население Сибири. В этих условиях, считает Кременюк, не вызывает сомнения, что перед Россией обязательно возникнет проблема присоединения к Западу или к Востоку⁵.

В-четвертых, внешнеполитический приоритет формулируется как политэкономическая концепция «евразийского моста».

Ее активным сторонник, – например, С.М.Рогов⁶. Он не без основания полагает, что одной из приоритетных задач экономической и внешней политики России является включение нашей страны в процесс взаимодействия Евросоюза и Восточной Азии, начавшийся во второй половине 90-х годов.

К сожалению, Россия, великая евразийская держава, практически не участвует в этом диалоге, и до сих пор у нас очень мало знают о том, что такой диалог существует уже несколько лет и приносит реальные результаты.

С 1996 г. регулярно происходят встречи лидеров Восточной Азии и Европы в рамках структуры ACEM (ASEM – Asia-Europe Meeting).

Российская Федерация может играть уникальную роль в ACEM, поскольку географически располагается между Европой и Восточной Азией. Однако в настоящее время через Россию проходит не более 1–2% всей торговли между Востоком и Западом. Причины сложившейся ситуации связаны прежде всего с последствиями распада СССР и развала единой транспортной системы, а также изношенностью российских транспортных путей. В результате, несмотря на проигрыш во времени, грузопотоки пошли южным маршрутом, через Индийский океан.

Одновременно усиливается развитие трансконтинентальных транспортных потоков в обход России. К их числу относятся планы воссоздания Великого шелкового пути. При попытках обойти Россию, выстраивая новый Шелковый путь из Азии в Европу, к сожалению, преобладает политический фактор. В последние годы все чаще грузы ЕС идут в Восточную Азию через Закавказье и Центральную Азию. Это стимулирует группировку ГУАМ. Таким образом, России приходится сталкиваться с осткой конкуренцией в борьбе за роль в формирующейся трансконтинентальной

транспортной системе. Тем не менее в этой сфере Россия все еще остается конкурентоспособной.

Потенциал России в области трансконтинентальных транспортных перевозок состоит в следующем. Россия занимает 30% территории евразийского континента. Имеющаяся в России транспортная сеть относительно разветвленная. Она включает Транссиб и БАМ, развитую трубопроводную сеть, морские порты во всех бассейнах, сеть воздушных портов и аэропортов. На долю России приходится 7% глобальной железнодорожной сети. При этом транзит через российскую территорию предпочтителен для перевозчиков, поскольку максимально упрощает транспортную схему: одна страна – одно таможенное законодательство.

Задача заключается в том, чтобы Россия вступила в ACEM, заручившись поддержкой как Евросоюза, так и стран Восточной Азии. Можно полагать, что Российская Федерация как великая евразийская держава может по праву претендовать на присоединение к этому форуму. При этом мы могли бы играть роль не «бедного родственника», а ключевого звена в развитии экономических и политических связей между Европой и Азией.

Конечно, имеются немалые трудности на этом пути. Необходимо безотлагательно начать модернизацию всего российского транспортного комплекса с привлечением как частного российского, так и зарубежного капитала.

По имеющимся данным, изношенность локомотивного состава на российских железных дорогах достигла 65%, а свыше 35% путей имеют дефекты.

Требуют немедленной замены почти тысяча мостов и сооружений, построенных еще в XIX в.

На пространстве от западной до восточной границы России отсутствует единая система оптико-волоконной связи.

Реализовать свои геоэкономические возможности – стратегическая задача России. Это поможет ей уйти от преимущественно сырьевой ориентации в мировой экономике и поднимет ее роль и влияние в мировой политике.

В-пятых, внешнеполитическим приоритетом России объявляется *предпочтительная ориентация на страны Запада*.

Эта позиция продекларирована в последней Концепции внешней политики РФ 2008 г.

В экспертном сообществе ученые, разделяющие эту точку зрения, делятся на два лагеря – либералов и реалистов, конечные выводы у которых совпадают: России необходим союз с развитыми странами Запада – но аргументация различается.

Либералы, в частности, А.Ю.Мельвиль, ссылаются на «бездостные» результаты внешней политики России⁷. Россия не стала активным участником интеграционных процессов ни в Европе, ни в Азии. В Европе, несмотря на все ультиматумы российского руководства, не удалось остановить расширение НАТО на Восток. Историческая роль России на Балканах сходит почти на нет.

В АТР нет намека на решение территориальной проблемы с Японией.

Проект СНГ, по мнению Мельвилля, не удался в основном из-за факторов глубинного порядка, а не ошибок, которые, впрочем, тоже были. Россия уже не ядро интеграции на постсоветском пространстве. У стран СНГ, не говоря уж о Балтии, во многом разные векторы исторического, цивилизационного и политического тяготения, и отношения с ними надо строить не просто как с независимыми странами, но такими, у которых свои, не пересекающиеся с российскими интересы.

Бывшие союзники в Центральной и Восточной Европе сделали свой выбор – «вернулись в Европу». Их опасения в отношении бывшего «старшего

брата» субъективно вполне реальны, и с этим надо считаться. Отношения с ними придется строить заново.

В итоге, по мнению российских либералов, после советского проигрыша в холодной войне новая миросистема выстраивается при утрате традиционных российских ресурсов влияния. И так будет до тех пор, пока Россия не сделает свой политический и идеологический выбор, не скажет определенно, к какому миру, к какой системе ценностей хочет принадлежать. Либералы однозначно, без компромиссов отдают приоритет западной системе ценностей.

Среди сторонников реалистического подхода стоит назвать А.Д.Богатурова, В.Г.Барановского, В.А.Кременюка и др.

По мнению Богатурова, западная ориентация во внешней политике России предпочтительна потому, что Запад представлен наиболее влиятельными странами мира. Лучше быть партнером лидера, чем его соперником, изнуряющим себя в соперничестве. Но стоит отдавать отчет в том, что партнерство будет трудным. России придется быть разумно строптивым, но надежным партнером Запада⁸.

У ориентации на Запад есть две существенные проблемы.

Во-первых, общественное мнение в России в последние годы отмечено усилением националистических настроений с преобладающим вектором в пользу тезиса «Россия – самостоятельный центр силы в мировой политике» и ностальгией по ее великоледженному статусу.

Большинство россиян по-прежнему считают главным врагом России Америку, а главным союзником – Белоруссию.

Такие данные были получены в ходе опроса, проведенного исследовательской компанией «Башкирова и партнеры».

Эксперты отмечают, что симпатии и антипатии наших сограждан довольно ста-

бильны и не меняются на протяжении многих лет⁹.

Вторая проблема связана с объективным расхождением ряда интересов в области безопасности (расширение НАТО на Восток, проблема Косово и др.), где пока не найдено взаимопонимание.

В отечественной литературе можно встретить и другие классификации внешнеполитических приоритетов России. Кратко остановимся еще на одной. Она интересна тем, что подчеркивает преемственность школ внешнеполитического мышления в России на протяжении столетий, напоминает о вековом споре об идентичности России и поисках ее стратегического выбора. К таким школам автор классификации – А.П.Цыганков – относит западников/державников и цивилизационщиков¹⁰. Заметим, что типология Цыганкова частично пересекается с рассмотренной выше.

Современные западники подчеркивают сходство России с Западом на основании таких общих ценностей, как демократия, свободный рынок и права человека, рассматривая западную цивилизацию в качестве наиболее жизнеспособной и развитой в мире. Западники предупреждают против излишне тесных связей с прежними советскими республиками, убеждая в том, что только в сообществе с «цивилизованными странами Запада» и при условии создания либеральных норм внутри страны Россия сможет успешно справиться с угрозами и преодолеть экономическую и политическую отсталость.

Такое видение «интеграции» и «стратегического партнерства с Западом» было характерно для министра иностранных дел России первой половины 90-х годов А.Коцырева и первого президента России Б.Ельцина.

Современные державники придают особое значение сохранению социаль-

ной и политической стабильности и способности государства к управлению страной. В российской внешней политике это направление является, по-видимому, наиболее влиятельным. Представители державничества не скрывают, что отдают предпочтение ценностям укрепления власти, стабильности и суверенитета по сравнению с ценностями свободы и демократии. Принципиально важным для них выступает понятие внешних угроз российской безопасности.

Со времен монголо-татарского нашествия у русских сформировался психологический комплекс опасности. Многочисленные войны в Европе и Азии способствовали дальнейшему укреплению этой ментальности, убеждая державников в правоте своей точки зрения.

Принципиальное различие во внешней политике таких державников, как Е.Примаков и В.Путин, состоит в том, что Примаков стремился интегрировать постсоветское пространство и сдерживать глобальные амбиции США в союзе с Китаем и Индией.

Путин же сосредоточился на выстраивании двусторонних отношений со странами постсоветского региона и попытался сделать Америку партнером в борьбе с международным терроризмом.

При этом державники не являются антizападниками. Они лишь добиваются признания России Западом иным путем – подчеркивая определяющее значение экономической и военной мощи России.

С некоторыми оговорками к данной категории политиков относится и президент Дм.Медведев (для него характерны некоторые черты западничества).

Наконец, цивилизационщики всегда рассматривали российские ценности как принципиально отличные от западных, стремясь при этом к их широкому распространению в мире. В отличие от западников и державников цивилизацион-

щики стремятся бросить вызов самой системе ценностей Запада, настаивая на культурном превосходстве России и государства, объединенных вокруг нее.

Некоторые представители этого направления демонстрируют твердую приверженность ценностям православного христианства, в то время как другие видят в России воплощение идеи

мирного сосуществования различных религий.

К примеру, так называемые неоевразийцы (А.Дугин, А.Митрофанов) рассматривают Россию как постоянно расширяющуюся континентальную империю, борющуюся за сферы влияния с атлантизмом, связанным прежде всего с деятельностью США.

Приведенный выше разброс мнений в области оценок внешнеполитических приоритетов России говорит о том, что кризис идентичности, постигший нашу страну с распадом Советского Союза, далеко не преодолен.

Неудивительно, что российское руководство за эти годы не смогло четко и не противоречиво сформулировать ни внешнеполитическую стратегию, ни концепцию безопасности, ни национальные интересы. Все попытки это сделать неизменно наталкивались на нерешенную задачу самоидентификации, неспособность ответить на важнейшие вопросы: кто мы?, откуда мы?, куда мы идем?.

В результате национальная идентичность России представляет собой не «плавильный котел», как в США, а своего рода «слоеный пирог», ни один из слоев которого российской цивилизацией полностью не отторгнут.

Пытаясь самоопределиться в начале XXI в., Россия, как представляется, делает сразу несколько выборов – между интеграцией в европейскую цивилизацию и стремлением сохранить себя как самостоятельный центр силы, относительной изоляцией и полной открытостью, империей и национальным государством.

А коль скоро это так, то и геополитический выбор во внешней политике у России еще впереди, как и ответ на вопрос, кто ее главный союзник и партнер.

Примечания

¹ Панарин А.С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? Парадоксы европеизма в современной России // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4-х томах. Т. 1. М., 2002. С. 433.

² Красильников В.А. Пределы догоняющей модернизации в постиндустриальную эпоху (опыт индустриальных стран Азии и Латинской Америки) // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 370.

³ Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2001.

⁴ Кортунов С. Становление национальной идентичности: Какая Россия нужна миру. М., 2009.

⁵ Кременюк В.А. Россия вне мирового общества // Международные процессы. 2006. № 3.

⁶ Рогов С.М. Изоляция от интеграции // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4-х томах. Т. 1.

⁷ Мельвиль А.Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4-х томах. Т. 1.

⁸ Богатуров А.Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия в 4-х томах. Т. 1.

⁹ Новые Известия. 2008. 18 июня.

¹⁰ Цыганков П.А. Внешняя политика России от Горбачева до Путина: формирование национального интереса. М., 2008. С. 19–24.